

**КОРМЧАЯ
КИМГА**

Геннадий
ПРАШКЕВИЧ

Геннадий Прашкевич

Царь-Ужас

«Автор»

2002

Прашкевич Г. М.

Царь-Ужас / Г. М. Прашкевич — «Автор», 2002

Многое выпало на долю героя нового романа одного из искуснейших мастеров отечественной фантастики Геннадия Прашкевича. Умело закрученный сюжет, яркие образы, блестящее владение литературным языком, – все это читатель найдет на страницах романа «Царь-Ужас» – произведения, давно и заслуженно вошедшее в Золотой фонд русской фантастики.

© Прашкевич Г. М., 2002

© Автор, 2002

Содержание

Часть первая	5
1. Цусима	5
2. Моя маленькая сладкая сука	10
3. Скорпион и египтянка	16
4. Коневой вопрос	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Геннадий Мартович Прашкевич

Царь-Ужас

Часть первая

Скорпион и египтянка

Панглос сказал так:

– Учитель, мы пришли спросить у вас, для чего создано столь странное животное, как человек?

– А тебе-то что до этого? – сказал дервиш. – Твое ли это дело?

– Но, преподобный отец, – сказал Кандид, – на земле ужасно много зла.

– Ну и что же? – сказал дервиш. – Какое имеет значение, царит на земле зло или добро? Когда султан посылает корабль в Египет, разве он заботится о том, хорошо или худо корабельным крысам?

– Что же нам делать? – спросил Панглос.

– Молчать, – ответил дервиш.

Вольтер

1. Цусима

Семена Юшина призвали на флот из самой глуши Тамбовской губернии.

Была в Темниковском уезде такая деревенька – Гнилой Брод. Окружали ее леса, болота, о море или океане там даже не вспоминали. Правда, много было волков, к ним в Гнилом Броде относились как к комарам – отмахивались. Волк мог выйти из леса и приветливо сказать: «Здравствуй, товарищ!» – на это тоже не обращали внимания. Жизнь текла как везде – сажали картошку, кляли налоги, терпеливо ждали каких-то событий, дивились на ночные звезды, дышали сырými туманами. Зимой Семен с другими ребятами бегал на замерзшее болото искать подо льдом пузыри вонючего газа. Найдя такой пузырь, пешней пробивали отверстие, подносили спичку – и поднимался над мерзлым болотом тихий, как бы сонный фонтан огня.

Короче, уголок, в котором вырос Семен, был столь дик, что, очутившись в городе, он уже мало чему удивлялся. Когда удивляет все, удивления просто не замечаешь, бродишь с открытым ртом. Семен и раньше догадывался, что за лесами и болотами, окружающими Гнилой Брод, может оказаться всякое, так оно, в общем, и оказалось, – чему дивиться? Только перед вывесками модных богатых магазинов Семен задерживался подолгу. Качал большой головой, внимательно всматривался в закорючки и палочки, волновался, подмечая цвет той или иной плоскости, – действительно мог стоять часами, пока не заинтересовывал околоточного. Про буквы к тому времени Семен уже слышал, что посредством определенного их соединения можно выразить все то, о чем говорят вслух, но вот рисунки...

А вот рисунки складывались непонятно из чего. И непонятно как выражали самые сложные мысли.

Иногда Семену смутно казалось, что, может, он и сам мог бы что-то такое изобразить. Он приглядывался внимательно, видел мазки, улавливал мысленно ход кисти, иногда даже как бы неряшливый, видел линии, непонятно почему пересекающиеся именно вот так, а не иначе, можно сказать, что совсем не так, как, наверное, вывела бы данную линию его собственная

рука, – все равно линии и мазки сливались в рисунок изящного зонтика, а то – в рисунок опрятной человеческой фигуры, очень к месту украшенной высокой черной шляпой, а то даже в рисунок совсем необычной мебели. Семен вообще мебель (не деревянные лавки, как в деревне) впервые увидел в Крюковских казармах, а потом на броненосце «Бородино» (в кают-компаниях и в офицерских каютах), куда был назначен марсовым (спецом по такелажу) после обязательного срока обучения. На флоте, кстати, выявился один-единственный, зато особенный талант марсового Семена Юшина: одним средним пальцем правой руки он мог поднять тяжесть, которую с трудом поднимали два крепких комендора. Конечно, не больше, чем на аршин от земли, но зато именно одним средним пальцем. Всей пятерней почему-то не получалось, видать, таким уродился.

Там же, на флоте, Семен узнал еще одну странную для себя вещь.

Обычно выходцев из таких деревенок, как Гнилой Брод, врожденная жаба давит – скупы они, гребут все под себя, а Семен наоборот в первом же увольнении пропился в стельку. Хорошо, комендор Стасов, с которым Семен закоренился на «Бородино», подтвердил: если человек любит женщин и хорошую выпивку, значит, он не может быть совсем плохим человеком. Что бы после этого ни случилось во флотской жизни, Семен неизменно оставался ровен и весел. Морские братки относились к Юшину уважительно, хотя, случалось, в увольнении он подводил их под пьяные драки. А пару раз чуть под суд не подвел, очень уж широким оказалось у него сердце.

Умел, правда, и успокоить.

«Ну, пропил ты казенную фланельку, браток, чего не бывает! Зато с бабой познакомился. Хорошая баба, хоть сам беги. Муж-то у нее есть?»

«Говорит, умер», – ободрялся, поднимая голову, матрос.

«Ну, вот видишь, он умер, а ты живешь, – ласково подхватывал Семен. – Он, оказывается, умер, а ты все еще жалеешь о какой-то фланельке. Ты ж, браток, не собираешься прихватить ее на тот свет?»

«Это зачем же?» – пугался матрос.

«Ну, как зачем? На воде живем».

Про броненосец «Бородино» говорили, что с этим утюгом не оберешься беды, но Семен таким словам не верил. Громадный корабль вошел в строй прямо со стапелей, ничего удивительного, что многое на нем требуется доводки. Котлы, машины, даже руль только еще начинали работу, а ведь и сапог жмет, пока не разносится. В отличие от многих, марсовой Юшин считал, что лучше его броненосца нет и быть не может корабля. Конечно, в штормовую погоду «Бородино» сильно заваливало на тот или иной борт, особенно когда под завязку грузили углем; как позже подтвердилось, в походе он терял пресную воду, причем непонятно каким образом; не раз опасно выкатывался из строя то вправо, то влево, угрожая столкновением соседним кораблям, – никому так часто, как капитану первого ранга Серебренникову, командующий 2-й Тихоокеанской эскадрой адмирал Рожественский не закатывал скандалов.

«Безмозглый нигилист! Сучья отрыжка! Чухонской лайбой ему командовать!»

Конечно, это не соответствовало действительности.

Когда 14 мая 1905 года над серой гладью Цусимского пролива появились дымы главных неприятельских сил, команда броненосца «Бородино» (как и команды всех других русских кораблей) была немедленно собрана на шканцах. Энергичнее всех на речь капитана откликнулся зычным троекратным ура марсовой Семен Юшин. Люди, хорошо знавшие Семена (например, писатель А.С.Новиков-Прибой, сам участвовавший в том же морском сражении, только на броненосце «Орел»), позже вспоминали, что марсовой Семен Юшин в то время был плотен, плечист, имел густые усы, которые не жалел склеивать для красоты мылом, тогда усы устрашающе торчали сразу в две стороны, как пики. Слушая капитана (отметил позже в хро-

нике Цусимского боя писатель А.С.Новиков-Прибой), марсовой Юшин смотрел на него так, как истинно верующий человек смотрит на чудотворную икону.

С первых минут боя огонь японской эскадры сосредоточился на флагманском броненосце «Суворов», хотя, конечно, перепадало и всем другим. «Неожиданно стрельба прекратилась, – писал позже А.С.Новиков-Прибой в своей известной хронике. – Юшин выпрямился и тут только заметил, что „Бородино“ выкатился из строя вправо и шел в одиночестве. „Что-то случилось с рулевым управлением, – подумал марсовой, – вероятно, заклинился штурвал в боевой рубке“. Минут через пятнадцать повреждения были исправлены. Когда броненосец поворачивал, чтобы вступить на свое место, Юшин выглянул в оружейный порт. Сбоку боевой колонны, кабельтовых в десяти, горел „Ослябя“, зарывшийся носом в море по самые клюзы. Увидел это и командир каземата Беннигсен, отметивший как бы про себя:

– Недолго продержится на воде.

– Бить их нужно, ваше благородие, японцев-то! – словно пьяный, заорал вдруг Юшин».

Броненосцу «Бородино» не повезло.

По ходу боя крупнокалиберный японский снаряд разорвался у входа в рубку, полностью разрушив капитанский мостик. Старший штурман Чайковский и младший штурман де Ливрон были убиты на месте, минера Геркена отбросило в сторону без сознания. Старший артиллерист лейтенант Завалишин попытался было сам спуститься с разрушенного мостика, но у него был разворочен живот, он тоже умер. Тем же роковым снарядом убило находившихся в рубке телефонистов и рулевых, а капитану первого ранга Серебренникову оторвало кисть правой руки. Командовать броненосцем капитан больше не мог, его отправили на операционный пункт. Управление перешло в центральный пост, принял его старший офицер капитан второго ранга Макаров.

Выходили из строя орудия и люди, скрупулезно отмечал в своей хронике А.С.Новиков-Прибой, разрушались приборы, увеличивалось число пробоин в бортах. Управлять броненосцем из центрального поста оказалось делом нелегким. Чтобы видеть панораму боя и контролировать его течение, командир должен был постоянно находиться на батарейной палубе или в одной из оружейных башен. Распоряжения отдавались по переговорной трубе сперва в центральный пост, расположенный глубоко в недрах корабля, а уже оттуда, повторенные другими офицерами, поступали к тем, кто должен был исполнять эти распоряжения. Грохот выстрелов, взрывы неприятельских снарядов, громкие выкрики трюмно-пожарного дивизиона, отчаянные вопли и стоны раненых приводили к тому, что слова распоряжений путались, передавались неправильно.

Один за другим под огнем неприятельской эскадры вышли из строя флагманский броненосец «Суворов», за ним «Ослябя», за ним «Александр III».

За головного остался сильно поврежденный «Бородино».

Казалось, отмечал в своей хронике писатель А.С.Новиков-Прибой, на броненосец обрушились удары тысячепудовых молотов. Он сразу запылал, как деревенская изба. Едкий кислый дым, смешанный с пороховыми газами, через вентиляцию проникал даже в нижние отделения. Марсовой Семен Юшин, работая у орудия, не успевал откашливаться. На глазах Семена убило осколком поручика Беннигсена. Когда с трапа сбежал встрепанный сигнальщик и бешено заорал: «Где офицеры?», Юшин так же бешено заорал в ответ: «Вот браток, валяется один мертвый! А что?» – «Наверху из строевого начальства никого не осталось! Ищем хоть каких-нибудь офицеров по всем отделениям. Либо убиты, либо ранены. Некому командовать кораблем».

Когда орудие отказало, Юшин бросился наверх.

Пробегая мимо каюты старшего офицера, он испуганно остановился.

Старший офицер Макаров однажды остановил Семена и ласково сказал: «Не нравится мне, матрос, что бодрости в тебе много». Но вообще о старшем офицере ничего особенно пло-

хого Семен не думал и был испуган, увидев его каюту. Наружная переборка была снесена. Не входя в каюту, Семен видел стол и диваны и стоявший на столе пустой поднос, все с подноса смело взрывом. Прямо у ног Семена валялся оранжевый апельсин. Схватив его, Семен с жадностью вонзил в него зубы. Кожура горчила, но Семен совершенно не чувствовал горечи.

Потом он вскарабкался на верхнюю палубу.

Тяжко содрогаясь от попадающих в него крупнокалиберных снарядов, «Бородино» продолжал вести за собой эскадру, но огонь его заметно слабел. Пока работали машины, броненосец шел по румбу, заложенному последним живым офицером, а значит, вся эскадра, несмотря на то, что на других русских кораблях были еще живы их капитаны и даже три адмирала, все это время плелась за пылающим кораблем вслепую. Понятно, что так обстояло дело и в те часы, когда эскадру вели «Суворов», и «Ослябя», и «Александр III». Да и как могло быть иначе, если задолго до боя командующий 2-й Тихоокеанской эскадрой адмирал Рожественский отдал категорический приказ: при выходе из строя головного корабля эскадру ведет следующий мателот.

«Спасайся!.. Спасайся!..»

Не понимая, что происходит, не видя людей, кричащих столь отчаянно, марсовой Юшин, похолодев, бросился к трапу, ведущему на палубу.

С грохотом сверкнула ослепительная молния.

Юшина подбросило вверх, потом ударило плечом и боком о палубу.

Вскочив, он увидел у своих ног оторванную человеческую голову. Со страхом он вскинул руки, не понимая – его это голова или чужая. Оторванная голова странно подмигивала, только тогда Юшин сообразно что голова все же чужая. Орудия на палубе были раз биты, вылетели из цапф, жадный огонь стремительно рвался к груде патронов, недавно поднятых из погреба. Кто-то невидимый крикнул из дыма: «Беги, браток, до кормы! Зови на помощь людей!»

Пробираться по горящему кораблю оказалось невероятно трудно.

На каждом шагу валялись куски разодранного бесформенного железа, опрокинутые, разбитые взрывами переборки. В нелепых позах застыли в переходах трупы. Пороховыми газами разъедало слезящиеся глаза. Семен никак не мог понять, где находится. Потом догадался: на батарейной палубе. Живых людей он нигде не видел и содрогнулся от мысли, что, возможно, остался на броненосце совсем один.

Выскочив на срез, поднялся на верхнюю палубу.

Смеркалось.

Крен на правый борт увеличился.

Мачты броненосца давно снесло, дымовые трубы едва держались, кормовой мостик опрокинуло взрывом. По правому траверзу от «Бородино» еле просматривался сквозь дым и мглу взметаемых в воздух брызг и осколков броненосец «Орел», весь с носа до кормы окутанный черным ужасным дымом.

В немой оторопи Юшин бросился обратно в носовой каземат, но никого там не нашел. Понимая, что происходит что-то не то (не должна была вся русская эскадра тащиться за мертвым, в сущности, кораблем), он снова вскарабкался на верхнюю палубу. В этот миг «Бородино» страшно содрогнулся от нескольких прямых попаданий и повалился на правый борт. В открытые орудийные порты хлынула ледяная вода и на какое-то время Семен Юшин потерял сознание.

Очнувшись он от холода.

Прямо перед Семеном над вспененной качающейся водой чудовищным ослизлым горбом возвышалось мрачное днище перевернувшегося броненосца. Бинты работали, вода бурлила, тут и там мелькали головы моряков. Кто-то сумел вскарабкаться на мрачный горб днища и протянул руку Юшину, но случайной волной его отнесло в сторону.

Как в страшном сне, Семен видел идущие сквозь сгущающийся сумрак пылающие русские броненосцы.

Грохотало небо, грохотал пролив. Огненные смерчи вставали над кораблями. К волнам прилипали клочья серого дыма, раскачиваясь вместе с ними. «Николай I» вдруг увеличил ход, пытаясь встать во главе эскадры. За ним шли, объятые, как и он, огнем броненосцы «Апраксин», «Сенявин», «Ушаков», «Сисой Великий» и «Наварин». Последним сквозь сумрак прошел вдали крейсер «Нахимов», странно безмолвный, совершенно прекративший стрельбу, получивший значительные повреждения, а потому так сильно отставший от эскадры.

Вцепившись в случайные обломки рангоута, Юшин жадно всматривался в сумерки. Холодные волны швыряли его то вниз, то вверх. Ему казалось, что он видит над собой свет. Этот неясный свет трепетал, как пламя свечи или, скорее, как бледный факел, над замерзшим зимним болотом. Мелькнула даже мысль, что это подошел к месту боя госпитальный транспорт, но вынырнули из тьмы быстрые черные тени, спугнули видение.

В час ночи, сказано в хронике А.С.Новикова-Прибоя, команда японского миноносца выловила из воды голого человека. Этим человеком оказался марсовой Семен Юшин. Из девяти человек экипажа броненосца «Бородино» в живых остался он один.

2. Моя маленькая сладкая сука

Японский плен не повлиял на характер Юшина.

В лагере для военнопленных Семен подружился с баталером Новиковым, будущим писателем А.С.Новиковым-Прибоем. Он подробно рассказал баталеру все, что происходило с ним на броненосце «Бородино». Даже про одиночество на пустом горящем корабле, даже про апельсиновый апельсин, подобранный в каюте старшего офицера, рассказал. Умолчал только о странном болотном свете, привидевшемся ему над Цусимским проливом.

В хронике А.С.Новикова-Прибоя глава «Человек, возвращенный могилой» заканчивалась так:

«Неожиданно Юшин увидел, как черная даль засверкала молниями орудий, прорезалась лучами прожекторов, и послышались удары, от которых содрогалась ночь. Неужели эскадра повернула обратно? Багровые вспышки приближались. Вскоре мимо Юшина, в двух – трех кабельтовых от него, по взрытой поверхности моря в беспорядке проползли какие-то бесформенные тени. Он задергался, завопил, а черные тени, грохоча раскатами артиллерийского огня, уходили от него все дальше, в темную страшную неизвестность».

Как видим, о странном свете, привидевшемся марсовому Юшину, А.С.Новиков-Прибой действительно ни словом не упомянул, хотя слыл писателем, стремящимся к точности.

Наступила осень.

В августе Россия заключила мир с Японией, но с отправкой военнопленных по домам ответственные русские чиновники медлили. Им не хотелось вливать столько прошедших огонь и воду людей в ширившееся революционное движение. Правда, из городка Кумамоту, где располагались лагеря для военнопленных, русских матросов и офицеров перевезли в портовый город Нагасаки – сюда за ними должен был прийти пароход Добровольного флота «Владимир». Семен подсчитал, что в октябре 1904 года он отправился в поход на восток – наказать микадо за его неуважение к русскому флагу, и вот только сейчас, в январе 1906 года, собирается вернуться, – прошло немало, прямо скажем, немало времени. Ужасы Цусимского боя в голове Семена несколько померкли, к тому же правительство России выдало морякам береговое жалование, а также морское довольствие. Время, проведенное в плену, всем морякам было зачтено как плавание. В придачу к этому каждый получил дубленый полушубок, папаху и валенки. Папаху и валенки Семен Юшин пропил сразу, но дубленый полушубок почему-то хранил.

И растрачивать деньги не торопился.

Деньги были хорошие, нет слов. Ни до, ни после Семен таких денег уже никогда не видал. В России он собирался уволиться с флота, купить в деревне добротный дом и корову. Ну, а дальше поживем-посмотрим, осторожно думал он, раз Господь в бою уберет, значит, и потом не обидит.

Все, наверное, так бы и получилось, но однажды на островке Катабоко, защищающем бухту Нагасаки от свежих морских ветров, хорошо поддавший баталер Новиков затащил Семена в маленькую японскую деревеньку Иноса, хорошо известную всем русским морякам. За много лет до войны русское правительство купило кусок неуютной скалистой земли, на котором был возведен целый городок – шлюпочный сарай, поделочные мастерские, госпиталь, прекрасное здание морского собрания, где офицеры, а иногда нижние чины (в знак особого поощрения) могли сразиться в бильярд или посидеть в библиотеке. Рядом, в недорогой гостинице «Нева», можно было снять проститутку. На узких улочках деревеньки Иноса постоянно раздавалась русская, японская, английская, китайская, даже голландская речь. Такое детальное знакомство с деревенькой Иноса закончилось для Семена тем, что он раз и навсегда всем своим молодым горячим сердцем влюбился во французскую проститутку Жанну. А чего другого можно было ожидать от русского моряка, совсем недавно всплывшего из морской могилы?

Часто после ласк Семен и Жанна просто валялись в постели.

Тоскующая по дому француженка, не умолкая, бормотала, нашептывала о своей далекой стране. Поначалу Семену французская речь казалась нелепым горловым клекотом, полным неясных носовых звуков. Одно время он считал, что Жанна простужена и не к месту предлагал клетчатый носовой платок, но потом привык, начал различать отдельные слова, а потом вообще многому научился. Жанна, очень откровенная в своих бормотаниях, считала, что французского языка Семен не знает, а потому и не думала, что он может ее понимать.

Но это было не так.

Цепкая память Семена постоянно работала, через полмесяца он понимал каждое слово любимой подружки. В любом случае, понимал гораздо больше, чем она думала. Просто по доброте душевной Семен старался не показывать этого француженке, чтобы уберечь дуру от душевных травм. К тому же с каждым днем Жанна нравилась ему все больше и больше.

Ну, а бормотание...

Да мало ли...

Одно время он считал, что Жанна вообще нашептывает ему про какой-то сумасшедший дом. Никак иначе быть не могло, ведь жили в этом доме настоящие сумасшедшие. Какая-то тетушка Розали, например, приобрела большие стулья, мраморные столы и кухонную утварь всего за сорок пять франков и теперь подает в маленьком кафе наваристый суп, пикантные сыры, закуски и, конечно, непременно «блюдо дня», ею самую изобретенное. Правда, напрасно гости стали бы просить добавку. Тетушка Розали, будучи социалисткой, сразу начинает орать, что ни за что не потерпит, чтобы какой-нибудь наглец съедал в ее кафе больше, чем на пять франков.

Может, Семен чего-то не понимал, но тетушка Розали казалась ему душой.

Таковыми же дураками казались Семену постоянные гости тетушки Розали: некий Дэдо (грузин, наверное), приятель Жанны, и унылый приятель ее приятеля, имя которого Семен так и не смог запомнить. С приятелем и с приятелем приятеля Жанна надиралась в Париже каждый божий день. На десять франков (пять на каждого, не считая Жанну), качал головой Семен, можно было так сильно и не надираться. Конечно, существуют потребности, которые требуют сиюминутного удовлетворения, но все же...

– Они сумасшедшие? – не выдержал однажды Семен.

– Они художники, – гордо ответила Жанна. – Их ждет слава. Может, слава уже пришла к ним, а я все сижу в Японии. – И тревожно спросила: – Ты знаешь, что такое слава?

– Конечно, – ответил Семен уверенно. – На крейсере «Нахимов» служил комендор Ляшко. Мог выпить литр белой и не закосеть.

– Это слава, – согласилась, подумав, Жанна, – но маленькая. А настоящая слава, это когда тебя ругают во всех газетах.

– Я знаю, – кивнул Семен. – Когда кочегар Ищенко снес топором голову дракону с «Авроры», об этом писали в газетах. Но я тебе так скажу, – добавил он Рассудительно. – Я, например, сам одним пальцем поднимаю сто восемьдесят килограммов.

– Каким именно пальцем? – заинтересовалась Жанна.

Семен покраснел:

– Средним.

– Это тоже слава, – ласково согласилась Жанна. Она была маленькая и сладкая, а ее груди как раз приходились по ладони Семена. – Но я сейчас говорю о художниках. Они рисуют картины, которые потом не могут продать. Они так могут изобразить бифштекс, что потекут слюнки. Правда, настоящий бифштекс полезнее рисунка, – сказала Жанна, подумав. – Бифштекс можно нарисовать, но сыт им не будешь. У Дэдо, например, франки бывают так редко, что в Люксембургском саду он всегда сидит на общих скамейках, а не на платных стульях, как я люблю. Когда художники нюхают эфир, запах над мастерскими стоит такой, что любо-

пытным соседям приходится объяснять, что так пахнет выдержанная абрикосовая настойка. В Париже за тридцать сантимов можно купить в аптеке большую бутылку эфира, – похвасталась Жанна. – Эфир хорошо усыпляет и не сковывает движений. Видишь много снов с чудесными сновидениями, правда, потом все болит. Так сильно болит, что можно выброситься в окно. А стеклышки стоят денег.

Семен слушал и кивал.

Его рука покоилась на нежной груди Жанны.

У Жанны были огромные притягивающие глаза, взгляд несколько исподлобья, капризные губы, но с Семеном она никогда не капризничала. Бедра и грудь Жанны волновали Семена, но он не ревновал. Эти сумасшедшие парижские художники, о которых она говорила, были очень далеко, к тому же от них действительно несло сумасшествием.

Тот же Дэдо.

В ресторане Дэдо, как правило, заказывал рыбу, но не одну рыбу или порцию, а сразу, много маленьких рыбок. Они были посолены и поперчены, но, принимаясь за еду, Дэдо все равно густо посыпал рыбок перцем и солью, так ему, наверное, казалось вкуснее. Еще он таскал с собой какую-то книгу (Жанна не помнила – какую) и постоянно бормотал: «Белые волосы, белый плащ...»

– Ты знаешь, что такое стихи?.. – умелые пальцы Жанны начинали сладкую любовную игру, и Семену приходилось выдыхать обреченно: «Конечно», – хотя представление о стихах не шло у него дальше подлых частушек, которые на «Бородино» сочинял кок Лаврешка.

Впрочем, это было близко к тому, что рассказывала Жанна.

Прижимаясь к Семену, она нашептывала совершенно невозможные вещи.

Так получалось, что глупый Дэдо еще глупее, чем могло показаться с ее слов.

– Однажды я была на вечеринке, – нашептывала? Жанна. – Там собрались приятели Дэдо и их подружки. Устроил вечеринку Андре, ты его не знаешь. Он длинный и неприятный, но хорошо целуется. Ему помогали Рене и Гишар, а Дэдо стоял на входе. Он приветствовал гостей и каждому вручал гашиш. Зеленые таблетки глотали как конфетки, – похвасталась Жанна, обволакивая Семена нежным голосом и умелыми руками. – Было весело, – нашептывала она, – решили сварить пунш. Поставили тазик посреди комнаты, наполнили ромом, но ром никак не хотел загораться. Тогда Дэдо плеснул туда керосину. Пламя взметнулось так высоко, что вспыхнул бумажный серпантин, которым была украшена комната. Никто не бросился гасить огонь, – счастливо нашептывала Жанна, еще тесней обволакивая Семена. – Все танцевали под треск пламени. А когда разгорелось слишком уж сильно, Дэдо меня увел. (Жанна все еще думала, что русский матрос не понимает ее клекочущего языка). Я тогда впервые оказалась в мастерской Дэдо. На пыльных стенах висели рисунки, сделанные углем. Ну, знаешь, такие грудастые женщины, которые всегда что-нибудь поддерживают. Он называл их кариатиды. Я думаю, я сама могла бы так рисовать, как он, просто надо догадаться удлинить глаза, голову, тело, чтобы человек на картинке выглядел как огурец. А на полу мастерской, – шепнула Жанна, – валялась каменная человеческая голова (Семен вздрогнул, ему тоже было что вспомнить.) Тоже очень длинная. Над правым глазом головы чернела трещина. «Эта глупая голова смотрит на нас, ты не накинешь на нее что-нибудь?» – спросила я. «Она не может смотреть, – возразил Дэдо. – Это парковая скульптура. Я создаю парковые скульптуры. Они специально ничего не видят, потому что у них нет зрачков». Я хотела упасть на низкую лежанку, но Дэдо схватил меня за руку. «Не надо туда, – сказал он. – Видишь, там паутина! Этот паук приносит мне счастье». Так я и позировала, – призналась Жанна. – Я позировала то стоя, то лежа на грязном полу рядом с этой ужасной парковой скульптурой. «Белые волосы, белый плащ...» – пробормотала она задыхаясь, и Семен понял, что раз она так много и так часто говорит о Дэдо, значит, за этим стоит что-то особенное.

– Ты спала с ним, – уверенно сказал он.

– Я ему позировала, – так же уверенно возразила Жанна. – Это важно для любого художника, чтобы ему позировали умело. Смотри, какое красивое у меня тело, – шепнула она, вытягиваясь. – Я позировала Дэдо... И Пабло позировала...

Слово «позировать» не нравилось Семену, но он терпеливо слушал, потому что хотел все знать о Жанне и о ее друзьях.

В Японии Жанна работала, а в Париже жила.

Друзьями Жанны в Париже были только мужчины.

Это потому, объяснила Жанна, что женщины в Париже – создания, как правило, жадные, глупые и не вполне нормальные. А она дружила с Дэдо и дружила с Пабло. Дэдо – аристократ, а Пабло носит нелепую рабочую кепку, из-под которой всегда торчит клочок черных волос. Еще он любит дурацкие красные рубашки и заплатанные рабочие штаны. Может, у него талант, задумчиво шепнула Жанна, но это не повод одеваться таким образом. В мастерской Пабло всегда грязно, везде валяются глиняные африканские божки и ужасные анатомические муляжи. Пабло не любит пьяниц, объяснила Жанна, у него жесткое сердце.

Все равно Пабло она позировала.

А еще Жанна позировала какому-то сумасшедшему, который постоянно хотел покончить с собой. И позировала какому-то алкашу, который постоянно напивался с Дэдо и не мог отличить собственных работ от подделок. А еще к ней приставал Анри – конкретный старичок маленького роста. Его прозвали Таможенником. Не знаю, сказала Жанна, может, он, правда, работал на таможне. Несколько раз он завлекал меня в мастерскую и показывал странные картины с изображениями всяких жуков и трав, по-моему, он срисовывал их с открыток. А еще подолгу играл на скрипке. Это Жанне нравилось. Когда старичок играл на скрипке, она пила красное вино и ела фрукты, а руки у старичка были заняты и он не лез к ней, обдавая зловонным дыханием. У его дыхания был запах тлена, подтвердила Жанна и Семен подумал: значит, она, правда, позировала старичку.

Но чаще всего Жанна говорила о Дэдо.

Грузин, наверное, думал Семен. Ему хотелось задушить этого Дэдо, но, похоже, здоровье у приятеля Жанны и без того не было крепким. Он постоянно пил, бранился, скандалил, бросался тяжелыми предметами, ругал клиентов, раздевался догола в публичных местах (Жанна не одобряла Дэдо, но сочувствовала ему), а здоровье было у него совсем не крепкое. Он не знает себя потому, что постоянно пьет, сочувственно объяснила Жанна. У него ужасный кашель. Он аристократ. Он носит куртку и брюки из вельвета ржавого цвета в широкий рубчик. Вместо галстука повязывает широкий бант, а вместо пояса наворачивает длинный шарф.

А рисунки у него странные, вздохнула Жанна.

Длинные головы, глаза как черные головешки, никогда никаких ресниц, длинные носы и еще более длинные шеи. Все равно это лучше, чем рисовать просто окурками или из старых почтовых марок выклеивать пестрые домики и зеленые облака, как это делают приятели Пабло, правда? Однажды я слышала, как Андре говорил, что Дэдо, дескать, не нарисовал ничего достойного, пока не начал употреблять гашиш, но это ерунда. Просто у Дэдо некрепкое здоровье, он постоянно возится с молотком и с твердым камнем, он постоянно вдыхает каменную пыль.

По тому, как глубоко, как нежно Жанна вздохнула, Семен понял, что ей хочется вернуться в далекий Париж вовсе не потому, что это единственный город в мире, не похожий на рвотное (так она всегда говорила), а как раз потому, что там обитает алкаш Дэдо.

Благодаря Жанне Семен забыл обо всем и обо всех.

Баталера Новикова он больше не встречал, ходили смутные (к счастью, не оправдавшиеся) слухи, что энергичного баталера убили во время каких-то матросских волнений. Это было не так, но Юшин все равно не собирался в этом разбираться. Полюбив Жанну, он вдруг понял,

что она запросто заменит ему и добротный дом, и хорошую корову. Дошло до того, что Юшин сбежал с парохода «Владимир», уже подготовленного к отходу в Россию.

Появиться в опустевших береговых казармах Семен не решился.

С дубленным полушубком через руку, с матросским баулом в другой руке он появился в гостинице «Нева», где снял недорогой номер и заказал Жанну. Сидя на диванчике, он представлял, как весело удивится Жанна, увидев влюбленного русского моряка.

Ждать пришлось долго.

Сперва Жанна была занята с русским офицером, потом ее перехватил толстый немецкий чиновник, тосковавший в Нагасаки оттого, что никто тут не говорил по-немецки. Потом Жанна немного отдыхала и только в одиннадцать часов вечера постучалась в номер Юшина.

– О-ла-ла! Я слышала, твой корабль ушел.

– Корабль ушел, я остался. Ты сильно удивлена?

– Я сильнее удивилась бы, найдя тебя на Монмартре, на улице Коланкур.

– Где это?

– Это в Париже, – ответила проститутка, привычно раздеваясь. – Я тебе говорила, что Париж хороший город? Все остальные города по сравнению с Парижем просто рвотное.

– И Нагасаки?

– Нагасаки прежде всего.

– Ты хочешь вернуться в Париж?

– О-ла-ла! – сказала Жанна. – Мне только надо накопить денег.

– Ты уже много накопила?

– Почти больше половины, – честно ответила практичная француженка. У нее были пронзительные и бесстыдные глаза. Рыжие лохмы красиво падали на голые плечи. Пока Семен спрашивал, она успела раздеться догола. – Говорят, сюда идет американский пароход, говорят, он уже в пути, я сразу заработаю на билет до Марселя.

– Когда приходит пароход?

– Может, через неделю. Это же море. Пароход может задержаться.

– Сколько ты хочешь заработать?

Жанна назвала сумму.

– Я дам тебе эти деньги, – волнуясь сказал Семен. – А еще дам теплый русский полушубок. Ты можешь продать его, а можешь носить, это как захочешь. Но все дни, пока американский пароход будет находиться в Нагасаки, ты будешь спать только со мной, договорились? А потом вместе поплывем во Францию.

– Что ты хочешь делать во Франции? – спросила практичная француженка.

– Зарабатывать на жизнь с тобой.

– В Париже я стою дорого.

– Если мы будем вместе, – сказал Семен, – это не будет стоить ни сантима. Ты просто займешься другим делом. Понимаешь?

– Но я ничего другого не умею, – изумилась француженка. Плечи и широкая чистая спина Семена выглядели очень надежными. Она даже провела по его спине длинным ногтем, оставив на коже отчетливый светлый след. – Я могу красиво отдаться, но ничего Другого не умею.

– А чем ты занималась во Франции?

– Позировала художникам.

– Спала с художниками, – горько заметил Семен.

– Не со всеми, – не согласилась Жанна. – Правда, бывала на вечеринках. Я плясала на столе голая в Русском головном уборе. Его называют кокошник. Кель экзотик! Совсем голая, но в кокошнике на голове.

– Сука, – сказал Семен.

– Что значит сука? – не поняла Жанна.

– Маленький русский зверек женского пола, – пришлось оправдываться Семену.

– Хороший зверек? Очень? – спросила, она ласкаясь.

– Очень, – пришлось согласиться Семену.

– Тогда зови меня так. Звучит красиво. Я твоя маленькая сладкая сука. Я правильно это произнесла?

Такой Семен и запомнил Жанну, потому что на другой день его схватила японская военная полиция.

Каким образом он попал на американский пароход, мы не знаем.

Все свои деньги он оставил Жанне и был рад, узнав, что она действительно не принимала в гостинице американских моряков.

Мечтой Семена стало попасть в Париж.

В течение нескольких лет он упорно стремился в Париж, но все время промахивался. В Нью-Йорке в каком-то грязном матросском борделе он подцепил нехорошую болезнь, от которой отделался только в Бразилии. На Филиппинах в пьяной драке осколком стакана ему присадили по черепу, оставив на всю жизнь звездчатый шрам на правой части лба. В маленьких африканских портах он несколько раз цеплял гнусную лихорадку.

Но дело не в этом.

Были города, которые ему нравились, например Стамбул и Малакка.

В Малакке, правда, всегда стояла жара, а в Стамбуле проститутки были как головешки – худые и жадные. Семен упорно рвался в Париж, правда, судьба никак не хотела ему помочь: тонул у берегов Мадагаскара, отставал от своего корабля в Тунисе, на Кипре сидел в тюрьме. Там были очень крупные клопы, таких он не видел даже в Танжере, а в Танжере он тоже сидел в тюрьме. На стене камеры в Танжере было выцарапано гвоздем: «Янакис – за убийство». Эта надпись здорово веселила Семена. Стоило родиться греком, чтобы сесть в Танжере за убийство! За годы скитаний Семен научился многим языкам в их простых матросских вариантах, научился драться и не жалеть противника в драке. Но ему хотелось в Париж, а его заносило то в Танжер, то в Малакку, а то вообще в Гонолулу. Сперва ему нравилась Малакка, но когда его занесло туда в пятый раз, он решил, что Малакка тоже рвотное. И не потому, что Малакка не Париж, и даже не потому, что в Малакке он всегда напивался страшно, – просто человека нервирует, когда что-то лежит у него как бы совсем под рукой, а вот не дотянешься.

Париж...

Нежный Париж...

Маленькая сладкая сука Жанна...

3. Скорпион и египтянка

Летом 1911 года Семен попал в Париж.

Город встретил его неуверенным дождем, потом выглянуло солнце. В кармане лежало почти четыреста франков, неплохие деньги, если вдуматься. Но вдумываться он не хотел. Он волновался. Он в Париже. Жанна не переспала в Японии со всем американским пароходом, значит, верна ему. Правда, в тихом теплом Париже, чуть смоченном каплями дождя, как и во всех других городах, чувствовалось что-то рвотное, а люди не походили на художников. Или типичные буржуа, или типичные клошары – все самое плохое, что Семен слышал о Франции, вдруг предстало перед ним. Даже надпись на уличных писсуарах «Лучший шоколад Менье» не показалась ему остроумной.

Он волновался.

Узнав, что улочка Коланкур находится на Монмартре, Семен воспользовался узкоколейным паровым трамвайчиком. Возле базилики Сакре-Кёр, белый купол которой величественно возвышался над городом, Семена выгнали из вагона, потому что он притворился, что у него нет денег. В конечном счете ему повезло, – рядом не оказалось ни одного фараона. Очень довольный, по кривым плохо вымощенным улочкам, вьющимся по склонам самого высокого парижского холма, он отправился искать улицу Коланкур.

По улочке Норвен он поднялся на площадь дю Тертр.

Тут была тьма мелких магазинчиков и кафе, но Семен не хотел тратить франки попусту. Он хотел найти Жанну, набить морду и выбросить из мастерской этого Дэдо или этого Пабло, а уж потом повести ее в одно из маленьких кафе, прячущихся под красивыми красными в белую полоску козырьками.

«У друга Эмиля»...

«У прекрасной Габриель»...

«У Марии, хорошей хозяйки»...

Все же в кафе «Проворный кролик» (приземистый покосившийся домишко с зелеными ставнями, окруженный грубой нормандской оградой) Семен зашел. Там он разговорился с папашей Фреде – нескладным, заросшим сивым волосом стариком в широченных брюках, в свитере и в рабочих сабо. Он был типичным представителем района, который все тут называли маки – городом шалашей. Обед (вместе с вином) у папаши Фреде обошелся Семену в один франк и двадцать пять сантимов. Это еще больше улучшило его настроение.

– Ищу человека по имени Дэдо, – сказал он старику. – Слышал о таком, браток? Он художник.

– Как может быть художником человек, который постоянно сидит в кафе и пьет абсент? – Папаше Фреде явно не понравились слова Семена, он подозрительно на него посмотрел. – Еще бы мне его не знать! Этот господин Дэдо должен мне сто франков. Слышите, моряк? Он кормился у меня, а потом удрал. Вы его друг? Вы пришли вернуть мне деньги?

– Никогда не видел этого человека, – моментально отсекся от Дэдо Семен, и это было чистой правдой. Такую чистую правду даже небольшое вранье не могло замутить. – Но мне он тоже должен. Он мне много должен. Теперь я хочу найти его. Если поможете, он, возможно, вернет и ваш долг.

Взглянув на мощные плечи Семена, папаша Фреде усмехнулся:

– У вас, моряк, может получиться. Этот господин Дэдо, которого вы ищете, давно перебрался на Монпарнас. Они все туда сбегали с Монмартра, пьяницы и развратники.

– Похоже, вы не любите художников?

– Я похож на педика? – возмутился папаша Фреде, но цель, так благородно поставленная Семеном, его явно привлекла. – Отделайте его, моряк, хорошенько отделайте, он заслужил это.

Напомните ему о долгах папаше Фреде. Если он вернет мне долг, моряк, вы можете целых две недели подряд получать у меня аперитив бесплатно.

Семен кивнул.

Весь день ушел на поиски.

Улочки и площади ему надоели. Они, наверное, были красивыми, но нельзя сразу так много красивого.

Дешевые веселые бистро...

Неровно вымощенные мостовые...

Тяжелые битюги, запряженные в длинные фуры...

Бродячие фокусники, шарманщики... Желто-коричневые ассенизационные бочки... Ноги у Семена болели, но он чувствовал, что цель близка, потому что добрался наконец до перекрестка бульваров Монпарнас и Распай. Здесь тоже оказалось множество маленьких магазинчиков и кафе, в которых пахло потом и винным перегаром, зато кофе и рогалик стоили всего пять сантимов. Все равно Семен проходил мимо. Что-то подсказывало ему, что в такие случайные места человек, ждущий славы (может, уже дождавшийся) не пойдет. Скорее он заглянет в одно из четырех заведений, украшавших собой указанный перекресток, – «Кафе дю Дом», кафе «Куполь», «Ротонда» и «Клозери де Ли́ла».

Подумав, Семен выбрал «Ротонду».

Может, потому, что вывеска ее была украшена рекламой «Перно»: зеленая бутылка и две рюмки на черном фоне. Если бы Семен был художником, он рисовал бы только такие картины.

Комната с деревянной стойкой, за ней еще одна, заставленная столиками. Дым от трубок и сигарет застил воздух, свободных мест не было, но Семен понял, что сделал правильный выбор. Только отсюда он увидел, что темно-красные бархатные драпировки «Кафе дю Дом» предполагали гораздо более наполненный, чем у него, кошелек. А в «Ротонде» царили рабочие спецовки и вязаные фуфайки с потертыми рукавами. За рюмочкой «Перно», такой же зеленой, как на рекламе, расположился за угловым столиком мрачный человек в коричневой куртке, похоже, надетой прямо на голое тело. Рядом сидела негритянка, одобрительно глянувшая на широкие плечи Семена.

Семен подошел к стойке.

Рыхлый господин с почтенной сединой и аккуратным пробором (владелец кафе мсье Либион) поставил перед Семеном стаканчик с аперитивом, но Семен отрицательно покачал головой.

– Хотите вина?

Семен молча кивнул.

Он не собирался вступать в расспросы сразу, это распалает людей.

Он собирался отдохнуть и присмотреться к людям, тем более что посетители «Ротонды» выглядели все же подозрительно, особенно бледный черноволосый человек, перед которым лежало несколько листков писчей бумаги, испачканных кофейными пятнами. Свободных мест в шумном кафе не было, но бледный человек занимал весь столик, никто к нему не подсаживался. Волосы у него были даже не черные, а густо синеватые, как у американского индейца, а вельветовая куртка расстегнута. Из кармана куртки торчала книга, но как раз она меньше всего интересовала Семена.

Подумав, он подошел и решительно сел напротив черноволосого.

Взглянув на широкие плечи Семена, черноволосый решил не возражать. Потом улыбнулся и бросил перед Семеном пачку фотографий. Приторговывает порнографией, решил Семен, но отодвигать фото не стал, развернул перед собой веером.

Каменные скульптуры.

Их, наверное, расплавили.

Под действием адского огня скульптуры вытянулись и деформировались.

Очень длинные головы, Семен не видел таких даже в Африке. Пустые глаза без ресниц и без зрачков, ужасно длинные носы и длинные шеи. В принципе, тоже порнография, подумал Семен.

– Вы этим торгуете?

– Сто франков.

– За любую?

Черноволосый кивнул.

– Жаль, у меня нет ста франков.

– Если найдете пятьдесят, мне хватит.

– Хорошо, браток, – весело кивнул Семен. – А как увидеть саму скульптуру?

Он не собирался расставаться с пятьюдесятью франками, просто знакомство с художником возрождало в нем многолетнюю надежду найти Жанну. Без Жанны даже Париж был для Семена как рвотное. А обещание никогда не означает исполнения, это следует помнить даже художникам.

По узким переулкам черноволосый (правильнее, может, синеволосый) не торопясь вывел Семена на строительную площадку. На заросшем травой участке недавно начали возводить жилое здание, – торчали из земли сваи, тяжелой пирамидой возвышались каменные блоки для фундамента. Черноволосый нежно провел рукой по теплomu камню. Это моя мастерская, сказал он. Хорошее место для моих вещей. Черноволосый так и сказал – *la chose* (вещь). Иногда я так увлекаюсь, сказал он, что пропускаю обед у Розали. Она много ругается, но я все равно опаздываю. Мне приходится работать при луне, улыбнулся черноволосый, поэтому я не всегда могу прийти в правильное время.

– Но где же ваши работы?

– Посмотрите сюда...

Черноволосый осторожно обвел Семена вокруг каменной пирамиды и остановил перед отдельным каменным блоком, поставленным на попу. Наверное, этот блок привезли последним и поленились или не успели уложить в пирамиду. Наверное, строители еще не видели результатов работы черноволосого. Они бы удивились, обнаружив, что кто-то придал каменному блоку сходство с женским лицом, правда непомерно удлиненным.

– Это твердый камень? – по-хозяйски спросил Семен.

– Не имеет значения, – улыбнулся черноволосый. Волосы у него отливали явственной синью. – Материал никогда не имеет значения, важно только, чтобы создавалось впечатление твердости. Делай вещь хоть из мыла, лишь бы возникало впечатление твердости. Иногда скульптуры выглядят мягкими, это зависит от мастера. Хоть что используй, они так и будут выглядеть. А другие, даже сделанные из мягкого камня, поражают твердостью. Как эта моя вещь. Разве ты не видишь, моряк? Это египтянка. Я так ее называю.

– С ней не надо больше работать?

– Она само совершенство.

– Она мне нравится, браток, – кивнул Семен. – Но, кажется, она вросла в землю. Я могу одним пальцем поднять сто восемьдесят килограммов, но эта вещь весит больше, даже гораздо больше. И потом, что я скажу рабочим, когда они сюда придут? Камень наверняка принадлежит не вам.

– Неважно, – раскипятился черноволосый. – Разве ваш ребенок принадлежит акушери? Я ее создал.

– Нет, так не бывает, браток, – покачал головой Семен. – Купленная вещь должна принадлежать покупателю. Таков закон. Купленную вещь несут домой.

– Не всегда.

– Что вы хотите этим сказать?

– У вас есть выбор.

– Какой?

– Мы можем прямо сейчас пойти на кладбище, это недалеко. На кладбище есть склад надгробий. У тебя сильные плечи, мы украдем кусок мрамора, и я выполню для вас специальный заказ. А если вам не нравится эта мысль...

– Совершенно не нравится.

– Я так и подумал, – разочарованно протянул черноволосый.

– А почему вы не спросите, почему мне совершенно не нравится эта мысль?

– Наверное, вы против прогресса. Вы не социалист. Вы не жалуете строителей. Наверное, вы не хотите, чтобы на этом месте вырос хороший жилой дом. Кроме того, – искренне признался он, – три последних дня я ничего не ел. Только одну булочку за три су.

– Я покупаю.

Эффект оказался поразительный.

Сжатые кулаки черноволосого разжались.

Он засмеялся, как ребенок, получивший желанную игрушку, бережно принял купюру в пятьдесят франков и сказал: «Я угощаю!» И нежно погладил скульптуру по длинному каменному носу.

– Теперь вы можете приходите сюда, моряк, и любоваться моей вещью. Видите, это египтянка. Это настоящая египтянка из России, – загадочно добавил он. И предупредил: – Приходите сюда ночью. Местный сторож любит простое красное вино. Только не садитесь с ним. Вы должны проводить ночи возле моей вещи. Вы обещаете?

Семен весело кивнул.

Конечно, ему было жаль пятьдесят франков, зато в Париже теперь была у него собственность. Я хорошо начал, решил он. Ночи теплые, буду угощать сторожа красным вином. Интересно, как выглядит настоящая египтянка из России при лунном свете? Наверное, неплохо вписывается в пейзаж, высказал он вслух свои мысли, но черноволосый возразил:

– Пейзаж? Оставьте, какой пейзаж? Пейзажа не существует.

– Как? – удивился Семен и неторопливо обвел рукой строительную площадку, домики, тонущие в зелени, высокие белые облака, медленно катящиеся над Парижем. – А это?

– Это не пейзаж, – тоном знатока объяснил черноволосый. – Это всего лишь фон. Идемте, я угощаю.

Угощение оказалось приличным.

– Смотри, – сказал Семен, подкручивая усы, утирая пот, капельками выступивший над звездчатым шрамом, украшающим его лоб. – Кажется, этого человека я видел в Танжере.

– Нет, ты ошибся. – сказал черноволосый. – Это местный мясник. Он всегда ходит в кожаной куртке Он работает на бойне, не трогай его.

– Почему с ним негритянка, а с нами никого нет?

– Потому, что он не еврей.

– При чем тут это?

– Евреи гуманисты, – туманно пояснил черноволосый. Лоб у него тоже покрылся капельками пота. – Не трогай его. Я попробую сам его убедить. Вот увидишь, это сразу подействует. Если не на мясника, то на его негритянку. Этой крошке тоже пора задуматься об истинной любви. Ты не находишь, что она выглядит бледно.

Нет, Семен этого не находил.

Увлечшись, черноволосый полез в карман и извлек из него потрепанную книгу. С книгой в руках он подошел к мяснику и к негритянке. Наверное, хочет цитировать Библию, догадался Семен.

– «Будь сильным и хитрым, – донесся до Семена ровный голос черноволосого. – Победа сама по себе не приходит. Без крови и резни нет войны, а без войны нет победы. – Конечно, он цитировал не Библию. – Если хочешь стать знаменитым, надо уметь нырять в реки крови,

питаемые пушечным мясом. – Он цитировал очень даже не Библию. – Цель оправдывает средства. И первое дело, все должны знать: надо иметь большие деньги. А если больших денег нет, убивай, они появятся. Сделайся вором, чтобы окрепли мускулы. Делай гимнастику два раза в день. Будущая слава все извинит, и, может, потом ты сделаешь людям столько добра, сколько зла не успел сделать».

Произнеся последние слова, черноволосый энергично и неожиданно сбросил с себя штаны и закрутил бледными голыми бедрами перед восхищенно ахнувшей негритяжкой.

Мясник обалдел.

Уже в следующую минуту он выбросил черноволосого в мусорный бак, стоявший за раскрытой дверью. Туда же вслед черноволосому полетела книга. И туда же почти незамедлительно полетел сам мясник.

Смеющийся усатый моряк-победитель восхитил негритянку.

Дождавшись, когда мясник, ругаясь, ушел, она встала и пересела за его столик, куда скоро подтянулся и черноволосый.

– Я спал с негритяжкой в Африке, – весело признался Семен.

– Почему ты не привез черную подружку в Париж? – заинтересовалась негритянка.

– Она была такая черная, что ночью я ее терял. Не мог найти даже на ощупь.

– Смотри, Либион, как у меня получилось! – крикнул хозяину черноволосый, быстро набросав что-то на листке бумаги, видимо постоянно лежавшей на его столике. – Смотри, я нарисовал эту черную женщину.

– Это проститутка. – Мсье Либион, не торопясь, подошел к столику. Наверное, он считался здесь знатоком и покровительствовал художникам. – Это всего лишь проститутка. Почему она получилась такой кривой?

– Потому что стоит две бутылки вина.

– За проститутку, даже за черную, я не дам и бутылку.

– Этот рисунок стоит больше какой-то одной бутылки вина, – обиделся черноволосый и встал.

– Куда ты? – настороженно спросил мсье Либион.

– Вон к той американской даме. Я покажу ей рисунок. Она богатая американка, у нее много денег, она должна понимать в этом толк.

– Если ты разденешься, тебя выбросят, – предупредил мсье Либион.

Черноволосый отмахнулся. Он неторопливо направился к застывшей от ужаса и восторга американке, но дойти не успел. Как только его ловкая руку скользнула к брючным пуговицам, мсье Либион подмигнул, и вышибала, дюжий серьезный молодец в красной феске, выкинул черноволосого все в тот же мусорный бак, стоявший за дверью.

И сам незамедлительно полетел туда же.

– Уходите, моряк, – озабоченно подсказал мсье Либион. – Не то я позову фараонов.

«Прямо Египет какой-то», – удивился Семен.

Они ушли, но останавливаться на достигнутом черноволосый не захотел, хотя ангел-хранитель окончательно отступился от него. Из кафе «Дю Дом» черноволосого выкинул мускулистый кельнер Андре (за что сам был незамедлительно выброшен из заведения). Потом они потеряли негритянку, а с ней пятьдесят франков. Семен дал купюру (мельче у него не нашлось) негритянке на вино, и она тут же потерялась.

– Это Париж. Даже негритянку найти в Париже нелегко, – с некоторой завистью покачал головой черноволосый. – Ты сказал ей, что прийти нужно в «Улей»? Ты сказал ей, что «Улей» находится на улице Данциг?

– Откуда мне знать такое, браток?

– Ладно, не жалей, – смирился черноволосый, когда они остановились перед странным домом, похожим не то на огромный запущенный сарай, не то на огромную уродливую пагоду. – Вот «Улей».

Было тихо, цвели цветы, только со стороны бойни Божирар несло мерзким запахом крови и доносилось приглушенное мычание обреченного скота. Вдали чадили трубы унылой фабрики, будто броненосец поднимал пары. Улица Данциг, плохо вымощенная, грязная никуда не вела. Ну, может, только в близкую осень. Сорняки ядовито зеленели, потому что их постоянно *у* густо посыпали каким-то порошком от крыс.

– Мадам Сегондэ, – окликнул черноволосый консьержку. – Не одолжите мне семь су? – Как ни странно, денег у него не осталось.

– Лучше я отолью вам похлебки, – мудро ответила консьержка. – Я сварила себе похлебку из картофеля и бобов. Божьи детки, пчелки мои, – заботливо запричитала она. – Вы не всегда приносите мед, а если и приносите, то все равно горький. Но есть надо каждому.

В глубине темного коридора, испуганно почему-то оглянувшись, черноволосый поставил миску с похлебкой перед небольшой серой ослицей, прогуливающейся в коридоре.

– Это художница?

Черноволосый не ответил.

Семен повернулся и сразу понял, почему черноволосый промолчал.

Три плечистых подвыпивших человека, даже не сняв рабочих фартуков, ломались в запертую дверь. На черноволосого и на Семена они не обращали никакого внимания.

– Я сам видел, там баба! – возбужденно выкрикивал один, с толстой веселой мордой. – Франсуа сказал, что тут часто бегают бабы. Они бегают к этим мазилам. Эта была совсем тихая, как мышь, я таких люблю. Франсуа прав, согласитесь, он прав. У него отняли негритянку, пусть нашей станет хотя бы мышь. Зачем пачкунам бабы?

– Это твои приятели? – спросил Семен.

Черноволосый печально покачал головой.

– К кому они ломаются?

– Ко мне.

– А почему ты не скинешь штаны, браток, и не покажешь им то, чего они заслуживают?

Черноволосый печально пожал плечами.

Уже третий раз за день Семен пустил в ход кулаки.

– Я могу одним средним пальцем поднимать сто восемьдесят килограммов, – весело сообщил он восхищенной консьержке, выкинув из «Улья» последнего мясника.

– Это настоящая слава, – понимающе ответила консьержка. – Входите. Вам у нас понравится, моряк. Мясники часто приходят бить наших пчелок, у вас еще не раз будет возможность развлечься. Дэдо! – закричала она черноволосому, заставив сердце Семена радостно вздрогнуть. – Откуда приехал твой друг?

– Из Японии, – сообщил Семен.

– Из самой Японии? – удивился черноволосый. – Это далеко. Я думал, что ты румын.

– Учти, если ты тот Дэдо, которого я ищу, то я приехал бить именно тебя.

– За что? – быстро и с большим любопытством спросила консьержка. – Дэдо, вот тебе семь сантимов, я хочу услышать, почему бить тебя приезжают даже из Японии.

– Где Жанна?

Дэдо, не оборачиваясь, кивнул.

Какая-то мегера с распущенными волосами и в од. ной ночной рубашке (правда, в чулках) приотворила дверь, в которую несколько минут назад ломались мясники (они здорово ошиблись насчет тихой мыши), и заорала:

– Ты пьян, Дэдо? Ты опять пьян? Ты скормил похлебку ослице? Твои гориллы поломали дверь?

- Они хотели тебя изнасиловать.
- Зачем же ты остановил их? Разве ты спишь со мной?
- Это Жанна? – тихо спросил Семен.
- Ну да, моряк.

Мегера перевела жадный взгляд на Семена и подмигнула ему.

Конечно, она его не узнала. Но она увидела пакет с вином и закусками и профессионально подмигнула неизвестному моряку. Несомненно, это была улыбка Жанны, хотя жизнь здорово потрепала маленькую сладкую суку. Втащив мужчин в комнату, она одним махом опустошила половину бутылки и закричала:

- О-ла-ла! Теперь танцевать!

Сбросив с плеч застиранную ночную рубашку, поддерживая ее руками, голая до пояса, пьяная, она трясла наполовину пустыми грудями и, прихрамывая, шла по кругу. Счастливый Дэдо, громко смеясь, швырнул на пол недопитую бутылку и пошел вокруг Жанны. Бутылка попала на каменную голову, валявшуюся в углу, и разбилась. Грязно выругавшись, мегера (по имени Жанна) упала на пол и начала слизывать вино с камня, сплевывая на пол мелкие осколки стекла. Семену показалось, что одна нога у нее деревянная.

Потом Жанна поднялась.

Глаза у нее хищно сверкали.

Отвернувшись, она завернула полу ночной рубашки и вытащила из-под чулка купюру. Непонятно, кому она сунула деньги, но скоро все в мастерской гудело от мужских голосов. Горело сразу семь свечей. Их неровный свет таинственно падал на валявшуюся на полу каменную голову с отколовшимся носом.

– Ничего. Что он откололся, я не жалею, – с удовольствием пояснил Дэдо Семену. – Это совсем неудавшаяся вещь (Он так и сказал – *la chose*). Я все равно не хотел заканчивать эту вещь.

- А почему у нее один глаз, браток?

– А потому, что когда ты смотришь на мир одним глазом, другим ты непременно смотришь в себя. Понимаешь, моряк? Я хочу вернуться в Ливорно, я там родился. Там, в Ливорно, я всегда гляжу в себя одним глазом. Ты знаешь, что я родился под знаком Скорпиона?

Кто-то запел.

Кто-то упал на плетеное кресло и вместе с ним опрокинулся на пол, кто-то упал удачнее – на низкую лежанку. Пахло потом, чадили свечи, с боен Божирар тошнотворно несло кровью. Под ногами хрустело битое стекло.

- Смотрите, какое красивое у меня тело! – кричала, беснуясь, Жанна.

Кто-то неистово блевал в медный тазик. Это рассердило Дэдо.

- Прекрати, – попросил он, – это тазик для умывания! – но тазик у несчастного не отнял.

Несколько рисунков, приколотых к стене, покачивались от движения душного воздуха. Женщин, изображенных на картинах, Дэдо рассматривал, наверное, сквозь горлышко бутылки, иначе они не получились бы на бумаге такими искривленными.

Кто-то сходил за вином.

Прошла ночь.

Прошло раннее утро и прошел длинный нелепый день.

К вечеру следующего дня Семен проснулся оттого, что над ним стоял совсем голый Дэдо.

- Чего тебе, браток?
- Купи у меня чемодан.
- Зачем мне твой чемодан, браток?
- Это очень хороший чемодан.
- Но зачем он мне нужен?
- Разве мы можем знать, в чем действительно нуждаемся?

– Тогда тем более, браток. Зачем мне покупать чемодан, если я даже не знаю, нуждаюсь ли я в нем?

– Но мне нужно три франка.

– Как ты можешь это знать? – удивился Семен в контексте беседы.

– Знаю, потому что хочу угостить тебя вином.

– Где моя одежда?

– Жанна, где одежда моряка?

Только сейчас Семен обнаружил, что лежит на полу совсем голый. Как в Цусимском проливе. Под ним был подстелен затасканный русский полушубок, несомненно привезенный Жанной из Японии. Потом он увидел саму Жанну, легкомысленно приподнявшуюся над лежанкой:

– Он сам выкинул свою одежду в окно. Сходи в сад, она, наверное, валяется под окном. Дэдо вышел.

– Ты откуда, моряк?

Он ответил, хотя прекрасно знал, что ответ не имеет никакого значения.

Он терпеливо дождался Дэдо и извлек из тайника куртки последние пятьдесят франков.

– Дэдо, я знаю, чем мы будем теперь угощать моряка! – сварливо, но весело заявила Жанна, бесстыдно поднимаясь с лежанки.

Теперь Семен отчетливо увидел то, чему пытался не верить: левая нога Жанны почти по колено была деревянная. Накинув на себя какое-то слишком уж просторное, можно сказать, бесформенное платье, Жанна кокетливо подмигнула мужчинам и схватила кошелку. Но вдруг взгляд ее заледенел:

– Что у тебя на спине, моряк?

– Я не знаю, – пожал плечами Семен. – Чешется спина. Не знаю.

И сам спросил:

– А что там?

– Там египтянка! Там опять эта проклятая египтянка! У тебя на спине египтянка, моряк! – с ненавистью заорала Жанна. – Ты вполз к нам в жилище, как ядовитый скорпион!

– Он вполз к нам в жилище, как ядовитый скорпион! – с готовностью подтвердил Дэдо. Он протрезвел и был смертельно напуган.

– Египтянка! Я узнаю! Это та проклятая египтянка! – с животной ненавистью орала Жанна, впиваясь обломанными ногтями в лицо Дэдо. – Почему ты нарисовал свою поганую египтянку на спине этого моряка? Ты обесчестил его! Ты на всю жизнь лишил его покоя!

Она, конечно, преувеличивала: в кривом осколке зеркала, удерживаемом на стене тремя гвоздями, Семен с трудом разглядел несколько стремительных линий – очертания длинной, вытянувшейся вдоль его спины женщины.

Может, она и египтянка, кто знает!

Но Жанна ревновала.

Она бешено ревновала.

Она ревновала, как к живой женщине.

Что же касается Дэдо, то он, наверное, изобразил египтянку совершенно автоматически, в обычном пьяном затмении, не отдавая в том отчета даже себе самому. Может, он принял спину спящего Семена за плоскость почему-то вдруг покосившейся стены. Думал о египтянке и изобразил египтянку. Почему нет? Не все ли равно на чем рисовать! Может, он любил свою египтянку так же сильно, как Жанна любила его.

Этого Семен не мог вынести.

– Не кричи, сестричка, – ласково попросил он Жанну. – Это я попросил Дэдо нарисовать египтянку.

– Зачем? – не поверила Жанна.

– Это моя женщина, сестричка. Понимаешь, это моя женщина, – он огорченно развел руками. – Жаль, что тебе не понравилось. Каждому свое. Но пусть она и не нравится тебе, но я – моряк и хочу, чтобы моя женщина везде сопровождала меня.

– Даже если ты пойдешь ко дну?

– Конечно.

– Тогда немедленно пойд и утопись в Сене!

– Нельзя, – торопливо вмешался Дэдо. Он явно боялся потерять египтянку и в то же время боялся Жанны. – Нельзя, Жанна. Моряк обещал нам за работу тридцать франков, – он тщательно уклонялся от возмущенных взглядов Семена. – Сейчас придет Гийом и сделает наколку. Прямо по этому рисунку. Это не займет много времени. Гийом настоящий мастер наколки. Теперь моряк и его женщина всегда будут вместе. Что в этом плохого, Жанна?

И страшно забарабанил в стену соседа:

– Гийом!

Как ни странно, Гийом тут же появился. Это был тощенький паренек невероятно голодного вида. При нем находились кисточки, баночки с тушью и набор игл.

– Падайте на лежанку, моряк, – приказал он, сразу оценив обстановку. Наверное, он был прекрасно осведомлен о всех тайнах соседей. – А ты, Жанна, пойд и купи кофе и рогаликов. Хорошо, если найдется немного вина, – в это паренек, кажется, не верил. – Работа требует времени, я не хочу, чтобы у меня дрожала рука. Подумав, он понимающе кивнул Дэдо, все еще закрывавшему руками исцарапанное лицо: – Ты справился с заказом моряка, Дэдо.

И повторил:

– Иди, Жанна!

– Нет, – заявила Жанна, и голос у нее дрогнул. – Я останусь здесь, а за кофе – и за вином пойдет Дэдо. Я буду сидеть здесь не ради тридцати франков. Я буду от всей души ненавидеть египтянку. Пусть она лопнет. Пусть кожа этого моряка покроется страшными язвами. Пусть корабль моряка в первом же рейсе потерпит крушение. А ты, Дэдо, не ходи долго, не то я отдамся моряку, – угрожающе заявила она к ужасу Семена. – А потом отдамся Гийому.

И все время, пока проклятый Гийом жег спину Семена раскаленными иглами, Жанна сидела и от всей души ненавидела египтянку.

Потом снова появился Дэдо.

Иногда Семен вскрикивал от боли, его отпаивали.

Вино, боль, сетования Жанны смешались в нем воедино.

Он снова видел, как над каменной головой танцевал голый Дэдо, а кто-то неистово блевал в тазик для умывания. Опять мастерская наполнилась друзьями Дэдо и Жанны. Праздник возобновился и шел три дня, пока «то-то не поджег мастерскую. С шумом приехала пожарная повозка. Мастерскую залили водой, смыв со стены длинноголовых женщин вместе с бумагой, на которой они были нарисованы. Стены пахли дымом, в коридоре летала копоть, одна только каменная голова на полу выглядела освеженной. А фараоны, подоспевшие вслед за пожарниками, зацапали Семена, потому что к этому времени он (к восхищению консьержки, варившей вкусную похлебку из картофеля и бобов) как раз во второй раз побил мясников, пришедших поглядеть на бедных пчелок. В подкладке у Семена были защиты книжка моряка и последние пятьдесят франков, поэтому он ничего не боялся. Когда его везли в участок, он гордо кричал:

– В Париже у меня собственность. Я не поеду в участок, не взглянув на свою собственность.

Заинтересованные фараоны невольно сделали крюк.

Смеркалось.

На строительной площадке был уложен фундамент, новый дом заметно вырос, но каменная египтянка, купленная Семеном у Дэдо за пятьдесят франков, исчезла.

– Они заложили ее в фундамент!

– Кого? – удивился главный фараон.

– Мою египтянку.

– Вы въехали во Францию не один? Вы въехали во Францию с иностранной женщиной?

Она не гражданка Франции?

– Да нет, – пытался растолковать Семен. – Я купил египтянку здесь.

– Вы не ошибаетесь? – Главный фараон был поражен. – Вы действительно считаете, что в Париже можно купить египтянку?

– Они заложили ее в фундамент!

– Вы хотите сделать заявление, моряк? Вы хотите, чтобы мы открыли дело о бесчеловечном преступлении? Хотите свидетельствовать в суде?

Сперва Семен хотел крикнуть: «Да!», – но перед ним, как в дыму, предстали измятое пьяное лицо Жанны и ее деревянная нога... «Моя маленькая сладкая сука...» Желая, чтобы его поскорее выслали из этого страшного города, из этой непонятной страны, Семен попытался ударить главного фараона. К счастью, удар не получился. Нет хороших городов, горько подумал Семен, когда его тащили в полицейскую карету. Все города как рвотное, если нет любви. Эта мысль немного его утешила.

4. Коневой вопрос

На много лет бывший марсовой Семен Юшин утонул в безумной карусели, закружившей мир.

Неизвестно, где провел он годы Первой мировой, скорее всего, плывал под разными флагами на коммерческих судах. В полицейских участках Сингапура или малайского порта Диксон, Танжера или Гонолулу можно, наверное, найти листы полицейских протоколов, отмечавших грандиозные пьяные драки, устраиваемые русским моряком Семеном Юшиным. Только в 1917 году на французском транспорте палубный матрос Семен Юшин пришел в Одессу.

Морскую походку Юшина, его торчащие в стороны лихие усы можно было наблюдать на Дерibasовской и в Аркадии, где он снимал комнатку. Там же он выступал с беспроигрышным цирковым номером: поднимал одним средним пальцем правой руки сто восемьдесят килограммов любого груза. Ему было все равно, кто победил в октябре, но его захватила грандиозная идея построить совершенно новый, невиданный мир, в котором такие простые люди, как он, получают наконец истинную свободу. Попав в Первую конную, Семен служил непосредственно под Семеном Михайловичем Буденным, участвовал в боевых рейдах. Казалось, вот-вот он будет отмечен особым вниманием легендарного командарма, но в сентябре 1920 года в поле под Елизаветградом удар шрапнели свалил Семена с лошади. Когда он очнулся, была глубокая ночь. Где-то далеко-далеко светились огни, но рядом никого не было. Только стоял над Семеном конь, печально фыркал, вздыхал и мотал большой головой.

Обиженный тем, что его бросили в чистом поле, Семен плюнул на Первую конную и отправился в сторону России.

Через пару лет в Подмоскowie Семен отличился на одном из возрождаемых советской властью племенных конезаводов. Его левую руку украсили металлические часы с надписью «За борьбу с хищниками социалистической собственности».

– Мы кровь проливали, так и так вас растак, браток! – кратко сказал он корреспонденту столичной газеты, приехавшему потолковать с ним. – Должны чувствовать и уважать. Я и теперь в охране служу, нет ходу хищникам! Опять же – свобода!

Летом 1925 года Семена приняли в ряды ВКП(б).

Отмечая это событие, он чуть не вылетел из партии.

Ровно четыре дня окна и двери его большой казенной комнаты не закрывались ни на минуту. Все время играл патефон и слышались веселые застольные песни. «Кто воевал, имеет право у тихой речки отдохнуть». Строгача за слишком уж затянувшуюся пьянку Юшин все-таки схлопотал, но, как человек прямой и сознательный, хорошо проварившийся в жгучем рассоле социализма, придя в себя, заявил:

– Служить теперь буду лучше.

В 1930 году Семен Юшин, как передовой и сознательный стрелок охраны, был приглашен гостем на XVI съезд ВКП(б).

Несомненно, это была высокая честь.

Бывший марсовой понимал это и с уважением рассматривал многочисленных гостей и участников съезда. Иногда его принимали за товарища Буденного, но это, конечно, больше в шутку – из-за усов. Когда товарищ Козлов от имени сеньорен-конвента предложил избрать в президиум съезда ровно сорок человек, Семен Юшин вместе с другими гостями и участниками съезда шумно аплодировал названной цифре, а потом напряженно вслушивался – все ли уважаемые им имена прозвучат в зале?

– Персонально предлагаются следующие лучшие товарищи, – объявил товарищ Козлов. – Акулов, Андреев, Артюхина, Варейкис, Ворошилов (аплодисменты), Гей, Голощекин, Зеленский, Жданов, Кабаков, Каганович (аплодисменты), Калинин (аплодисменты), Калы-

гина, Киров (аплодисменты), Колотилов, Косиор Станислав (аплодисменты), Косарев, Куйбышев, Ломинадзе, Мануильский, Микоян, Молотов (аплодисменты), Николаева, Орджоникидзе (аплодисменты). Петровский (аплодисменты), Румянцев, Рудзутак, Рыков, Сталин (бурные и продолжительные аплодисменты, весь съезд встает и приветствует кандидатуру товарища Сталина), Сырцов, Томский, Уханов, Хатаевич, Чубарь, Шверник, Шеболдаев, Шкирятов, Яковлев, Ярославский (аплодисменты), Эйхе.

Семен активно участвовал в коротких стихийно возникавших дискуссиях, от души орал с места «Долой!» или «Правильно!» Он научился орать так громко, что на него обращали внимание. Плотный, плечистый, он издали был заметен. Когда скромный колхозник Орлов сказал с трибуны, что ему уже пятьдесят лет с лишком, а он такой большой работы, как сейчас, никогда в своей жизни не производил, Семен весело заорал на весь зал: «Верно, браток!» Скромный колхозник Орлов сразу приободрился: «Вот разве не чудо, что мы на лошадях пахали по одному га в день? Виданное ли это дело? – И, совсем осмелев, прислушиваясь к залу, пожаловался: – Плохо только, что сахарку нет. Придешь с работы, клюнешь кружечку холодной водички. Надо бы сахарку попросить: три месяца не получали!»

– Верно, браток! – сочувственно орал Юшин.

Ему было весело и легко.

Он крепко чувствовал свое единение с крестьянством и с трудовым пролетариатом. После того, как товарищ Яковлев сказал в докладе, что: «Когда в колхозе сплотилась почти четверть всех хозяйств, когда на полях вскрылись огромные возможности колхозников в отношении расширения посевной площади, то единоличники также, хотя и с опозданием, двинулись сеять, чтобы не быть вынужденным уступить свою землю колхозникам», – Семен заорал еще громче и еще веселее: «Верно, браток!», потому что сам видел, что тут не Цусима. Тут не жалкий царизм, блин (как станут говорить в недалеком будущем), тут конкретно могучая эскадра страны под всеми флагами, вымпелами и гюйсами тянулась типа не за горящим пустым броненосцем, на котором остался один только последний марсовой, а уверенно следовала за железной когортой правильных пацанов, продолжателей дела великого Ленина, пламенных революционеров. Семен лично видел на съезде Постышева и Эйхе, Кагановича и Гея, Томского и Рыкова, Межлаука и Угарова, Куйбышева и Калинина. Он сам лично слышал Сталина и Ворошилова, ему лично пожали при встрече руку товарищи Варейкис и Шеболдаев, уж эти не подведут!

Но больше всего Семен ждал выступления славного товарища Буденного, потому что воевал в Первой конной и знал, какой геройский путь прошел по фронтам гражданской войны легендарный командарм. Кстати, когда Юшин тонул в холодных водах Цусимского пролива, товарищ Буденный (тоже, кстати, Семен) воевал в Маньчжурии. Он, правда, развозил военную почту, а не рубил шашкой подлых япошек, приспешников микадо, но знающие люди потому и знающие, что знают, что доставить вовремя в штаб важные документы – дело очень и очень даже не последнее. В Первую мировую геройский товарищ Буденный дослужился до унтера и стал обладателем полного банта георгиевского кавалера. А позже товарища Буденного запомнили в лицо Врангель и бухарский эмир. И пусть Семена бросили ночью под Елизаветградом, это, наверное, произошло случайно, он за это на своего геройского тезку не обижался.

Но претензии к тезке у Семена были.

Никак не могло не быть у него претензий к геройскому тезке. Времена-то шли трудовые, учет объявлен делом архиважнейшим. Отсюда и претензии. Вот брошен партией товарищ Буденный на коневодство, а бывший марсовой Семен Юшин как раз охраняет один из отечественных конезаводов.

Когда перед самым XVI съездом товарищ Буденный посетил указанный конезавод, а затем на Московской областной конференции произнес короткую, но пламенную речь, Семен моментально отправил ему записку, правда, ответа почему-то не получил. Не желая, чтобы

такое дурное отношение к простым стрелкам охраны закрепилось, он пересказал записку своими словами и отправил в одну московскую газету. Заметку напечатали, но сам товарищ Буденный и на этот раз не отозвался. Бот почему, желая довести ответственное дело до конца, Семен отправил новую записку уже в президиум съезда. Он был уверен, что на этот раз геройский товарищ Буденный никак не отвертится. Бот почему, когда 10 июля на вечернем заседании председательствующий Рудзутак объявил, что слово имеет товарищ Буденный, Семен напрягся.

– Товарищи, – начал Буденный, лихо подкручивая свои знаменитые усы, – наш съезд за истекший период своей работы внес в ряд крупнейших вопросов совершенно определенную четкость, осветил их со всех сторон, для того чтобы скорее разрешить те или иные проблемы. И здесь вчера докладчик в своем докладе (Буденный имел в виду доклад товарища Яковлева) совершенно правильно указывал на ряд проблем, неоспоримо важных, но наряду с этим мне хотелось бы остановиться на одном из больших вопросов нашего народного хозяйства – на коневодстве.

Сквозь бурные аплодисменты, грозой разразившиеся в зале, пробился громкий выкрик Семена: «Даешь коня, браток!» Он верил в честность товарища Буденного и верил, что товарищ Буденный даст наконец ответ на его записку. Тем более что, оказалось, писал товарищу Буденному не только он.

– Этот вопрос все обходят как-то сторонкой, – продолжил товарищ Буденный. – И я, когда слушал первый доклад, отчет ЦК нашей партии, который делал товарищ Сталин, послал ему записку (смех в зале), чтобы, значит, он в заключительном слове коснулся этого вопроса (смех в зале, аплодисменты). Товарищ Сталин в заключительном слове указал на то, что он получил мою записку («Совсем как у нас с товарищем Буденным», – невольно отметил Семен), но так как все делегаты съезда догадались, кто ее писал (смех в зале), то все засмеялись. А в газетах, я скажу, появилась совершенно нежелательная, по крайней мере для меня, формулировка: когда Сталин сказал, что записка подана о коневодстве, дескать, съезд засмеялся. Я думаю, что смеялись не потому, что будто бы лошадь нам совершенно не нужна, а потому, что догадались об авторе записки.

– Верно, верно, браток! Даешь коня!

Семена поддержали. Даже товарищ Калинин, потеряв редкую бороденку, согласно крикнул из президиума товарищу Буденному высоким голосом:

– Нужна, нужна лошадь!

– Вот почему я так хлопочу остановиться на этом вопросе, – удовлетворенно продолжил товарищ Буденный. – Мне, как и каждому делегату, хотелось бы захватить ряд вопросов, но в связи с тем, что мы располагаем определенным временем, я хотел бы именно на этом вопросе сосредоточить ваше внимание. Коневое хозяйство, должен сказать, не совсем было доступно в России для широких масс. Бот хотя бы такой маленький пример: недавно, выступая на Московской областной конференции, мне пришлось подробно остановиться на этом вопросе, причем мною было отмечено, что лошадь имеет значение как тяговая сила и как фактор в обороне страны, имеет еще и товарную продукцию. Мною было указано, что лошадь дает мясо, кожу, волос, копыта («рог»), кости. А наша печать, которая мало интересуется коневым хозяйством, обнаружила весьма слабое знание этого хозяйства, перепутав мои слова. Что они написали, после того как я выступил? А написали, что товарищ Буденный, оказываясь, вслух заявил, что лошадь дает мясо, кожу, щетину (смех в зале) и даже... рога!

Сквозь гомерический смех, потрясший зал съезда, Семен восторженно толкнул соседа по ряду, усталого худощавого чекиста, локтем в бок:

– Слышь, браток, это он обо мне!.. Это я послал ему записку... Это товарищ Буденный обо мне говорит!.. Учет прежде всего, он понимает!..

– Я понимаю, – подтвердил товарищ Буденный, подкручивая лихой ус, – бывает, что люди не знают этой отрасли животноводства и не в курсе того, где растут щетина и рога. Но зачем же меня позорить (смех в зале)? Я-то ведь знаю, что на лошади щетина и рога не растут (смех в зале). Почему, спрашивается, такое происходит? А потому происходит, что происходит по простой причине. В России породы лошадей, не говоря уже о линиях крови, знали помещики-коннозаводчики, слегка знал кавалерийский офицер, конный артиллерист и просто любитель. Но мы всей этой публике давно дали по шапке, а рабочему и крестьянину такое знать недоступно, он о породах представления не имеет, и кадров соответствующих в коневом хозяйстве мы также не имеем. Правда, надо сказать, за последний истекший год – по крайней мере то, что мне известно, – в масштабе РСФСР мы этот вопрос в НКЗеме продвинули и довольно приличным темпом движемся по восстановлению этого хозяйства. Но если по РСФСР дело сдвинулось лишь за последний год, то я прекрасно знаю, что в других союзных республиках дело обстоит из рук вон плохо. Произошло то, что мы отодвинулись за этот год в количественном отношении к 1925 году. Только за истекший год уничтожено четырнадцать процентов нужных нам лошадей, из них – двенадцать процентов рабочей породы.

– Верно! – восторженно заорал Семен и снова торжествуя толкнул соседа-чекиста локтем.

– Я спрашиваю, почему произошло это уничтожение? – строго спросил с трибуны товарищ Буденный. – Потому ли, что мы насытили наши поля тракторами, или по какой-либо другой причине? Если взять нашу площадь, все сто пятьдесят миллионов га, то для того, чтобы ее обработать с нормальной нагрузкой (пять с половиной га на лошадиную силу и пятнадцать га на тракторную лошадиную силу), нам потребовалось бы двадцать семь миллионов лошадиных сил. Однако мы будем иметь при выполнении пятилетнего плана сельскохозяйственного машиностроения к концу 1933 года только восемь миллионов лошадиных сил в тракторах, девятнадцать же миллионов лошадиных сил должна будет и в конце пятилетки все еще замещать лошадь. А хозяйственники, к сожалению, исчисляют так: если он получил, скажем, сто двадцать лошадиных сил в тракторах, то сто двадцать лошадей нужно уничтожить с лица земли.

– Как класс! – крикнул Семен.

Его восторженный голос донесся до Буденного.

– Вот именно, уничтожается лошадь как класс, разумеется в кавычках. Мне еще не приходилось видеть сколько-нибудь вразумительных расчетов в вопросе коневого хозяйства ни в одном учреждении – ни в Госплане, ни в нашей Сельскохозяйственной академии. Я видел массу трудов и книг и стремился узнать, сказано ли где-нибудь и что-нибудь о наших лошадях. В одном месте, правда, нашел, что в пятилетнем плане будет столько-то лошадиных сил, исчисляя их в тракторах. Да, это так, единственное упоминание о лошади, да и то относящееся к исчислению тракторной мощности, нашел я только в этих трудах и томах (смех в зале). А мне кажется, мы сейчас стоим перед такой задачей, когда нужно тщательнейшим образом подсчитать, какое же количество конского поголовья нам нужно при полной индустриализации сельского хозяйства и как будет идти постепенная замена лошадиной тягловой силы силой трактора. Ведь не везде рельеф нашей страны приспособлен исключительно для трактора. Трактор дает разительное соотношение себестоимости обработки одного гектара, когда он работает на плоскости и когда он работает на подъеме. А у нас есть такие районы, в которых тракторная и лошадиная обработка могут комбинироваться. Над этим вопросом никто не думал, и все считают, что мы должны лошадь ликвидировать как класс, потому что уже есть трактор. В Канаде имеется французский консервный завод, который убивает одну тысячу четыреста голов лошадей в месяц. Мы имеем в Богородске завод, достигший таких результатов, что из лошадиной кожи он вырабатывает прекрасную замшу. Уже одного этого достаточно, чтобы сказать, что мы не должны ликвидировать лошадь, а должны развивать коневое

хозяйство как источник товарной продукции. Я уж не говорю о таких отраслях, как кумысное хозяйство, как конный скот в городе и в деревне и тому подобное...

Указав цифры, из которых следовало, что в последнее время в стране погибло более четырех миллионов лошадей, товарищ Буденный пригладил усы и укоризненно покачал головой:

– Кому это нужно? Происходит ли это по той причине, что машина пришла на поля? Нет, не по этим причинам, а по причинам нашего с вами разгильдяйства. Что произошло в ЦЧО? Казалось бы, нужно было дать жесточайший отпор тому, что там началось уничтожение конского поголовья, но никакого отпора со стороны местных организаций не последовало. Кулак продолжал без всякого противодействия агитировать середняка, говоря ему: прежде чем идти в колхоз, ты должен продать лошадь и корову, иначе из колхоза без штанов выскочишь. В связи с этим цены на лошадей пали баснословно. Шкура лошади была дороже, чем сама лошадь. Что же было принято в этом отношении на месте? Оказывается, откликнулась на все это такая, казалось бы, далекая от коневого хозяйства организация, как птицеводсоюз ЦЧО! Он издал такой циркуляр на местах, где говорится, что нынче лошади дешевы и что поэтому необходимо покупать лошадей, убивать их спешно на мясо и откармливать этим мясом кур! (Общий смех.) Это, товарищи, смешно, но это – горькая истина. В этой же инструкции подробно расписано, кому, сколько и в каком изготовлении давать этого конского мяса, – сколько курице, сколько утке, сколько гусю и так далее...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.